

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания шестой.

6

1962

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ

Б. В. ЛУНИН

ИЗ ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТАТИСТИЧЕСКИХ КОМИТЕТОВ ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ

В изучении природы, экономики, истории и культуры Туркестанского края известную роль сыграли созданные здесь в 70—80-х годах XIX в. статистические комитеты.

Научные и научно-справочные материалы комитетов и сейчас еще приносят пользу советским исследователям Средней Азии. Однако многие издания комитетов, несмотря на их несомненные достоинства, остаются забытыми или, во всяком случае, мало известными, особенно молодым ученым.

В нашей историографии нет еще сводного очерка, характеризующего деятельность статистических комитетов, хотя она представляет несомненный интерес для работников общественных наук, поскольку эти комитеты уделяли много внимания изучению хозяйственной жизни, истории, культуры народов Средней Азии.

По своему юридическому положению, функциям, бюджету и т. д. статистические комитеты принадлежали к разряду правительственных учреждений. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что они во многом действовали при самом непосредственном участии группировавшейся вокруг них местной научно-краеведческой общественности. Активной силой их были, как правило, не высшие чиновники края или области, а низовая, исполнительная часть комитетского аппарата и местный краеведческий актив, добровольно содействовавший работе комитетов.

Внутри этих органов постоянно сосуществовали два направления: с одной стороны, канцелярско-бюрократическое, ведомственное, а с другой — более или менее либеральное, вольнодумное. И в исполнительной части комитетов, среди их скромных, низкооплачиваемых сотрудников были не только люди, добросовестно отбывавшие служебную повинность, но и прогрессивно настроенные работники, интересовавшиеся наукой, краеведением, задачами комитетов не формально, а по существу. Они-то и создавали нередко ценные исследования краеведческого характера.

Немалую роль в собирании и изучении материалов по природе, экономике и истории края сыграл в 70-х годах XIX в. Туркестанский статистический комитет, созданный по приказу начальника края 22 января 1868 г. (Надо сказать, что еще в 1866 г. при Областном штабе Туркестанской области был создан статистический комитет как «для собирания чисто военных сведений, так и по общей статистике». Однако он существовал недолго и не успел развернуть свою деятельность)¹.

¹ Ср. «Журнал Туркестанского статистического комитета 7 февраля 1868», Материалы для статистики Туркестанского края, ежегодник, вып. I, СПб., 1872, стр. 223; ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 11, 1877, д. 17 («О дате учреждения Туркестанского статистического комитета»).

Туркестанский статистический комитет был образован под председательством А. К. Гейнса², а когда он оставил службу в крае (1869 г.), председателями Комитета являлись сыр-дарьинские губернаторы, а секретарем — Н. А. Маев.

Комитет был создан в качестве учреждения, «имеющего (целью) собирать и приводить в систематический порядок все сведения, необходимые для военного ведомства, и готовить таким образом необходимый материал для исполнения военных статистических работ, согласно соображениям по сему предмету совещательного комитета Генерального штаба»³.

Однако работники Комитета считали, что деятельность его не должна ограничиваться только этими узкими целями, ибо он «заменяет в генерал-губернаторстве статистические комитеты, действующие во всех российских губерниях и имеющие задачу собирать, обрабатывать и приводить в систематический порядок сведения, необходимые для гражданской администрации...

Удовлетворяя целям научным, комитет придает цифрам, им представляемым, важность безотносительную и правдивость, которые явятся следствием отсутствия всяких административных соображений, предшествовавших собиранию статистических сведений, — а вместе с этим хотя отчасти удовлетворят любопытству русского общества, внимающего к новому приобретению России, и любознательности многих ученых обществ своими трудами по исследованию этого края...»⁴.

Такую постановку вопроса следует поставить в заслугу деятелям Комитета, понимавшим, что интересы подлинной науки не могут быть подчинены только запросам военно-колоннальной администрации и настаивавшим на том, что Комитет должен собирать «сведения, для правительства необходимые, и затем такие, которые, будучи необходимы для науки, для правительства же лишь интересны и полезны».

В заседаниях Туркестанского статистического комитета имеется перерыв в два с половиной года (с февраля 1868 г. по 20 августа 1870 г.), а после возобновления их было решено «сведения, добытые Комитетом..., соединить в один сборник, редакция которого должна быть окончена не позже 1 ноября 1871 г.». В результате в 1872 г. вышел в свет первый выпуск такого ценного в научно-краеведческом отношении издания, как «Материалы для статистики Туркестанского края»⁵. Как говорилось в предисловии к сборнику, в Туркестане «все ново, все живет своеобразной жизнью, при своеобразной обстановке, какой не встречаем мы ни в одной из наших других, южных и восточных окраин. Пока ученые общества Ташкента и отдельные исследователи будут мало-по-малу накапливать массу сведений и научных данных, исследуя многообразные проявления природы Туркестана и его жизни, — местный статистический Комитет будет также постепенно, шаг за шагом, собирать и группировать статистический материал, без которого неполны и неясны ученые исследования и который служит им крепкою и надежною опорою»⁶.

² О Гейнсе см.: Н. В. Дмитровский, Памяти Александра Константиновича Гейнса, б. м., б. г., 35 стр.; Труды А. К. Гейнса: Собрание литературных трудов Александра Константиновича Гейнса, с портр. и планом, т. I, 1897, 590 стр.; т. II, 1898, 741 стр.; т. III, 1899, 524 стр.

³ Журнал..., стр. 223; ср. также: А. И. Добросмыслов, Ташкент в прошлом и настоящем, Ташкент, 1912, стр. 229—300.

⁴ Журнал..., стр. 221.

⁵ Материалы для статистики Туркестанского края, ежегодник, издание Туркестанского статистического комитета, под ред. Н. А. Маева, вып. I, СПб., 1872, 237 стр.

⁶ Материалы..., вып. I, стр. 3.

Составители сборников выражали надежду, что «Ежегодник» действительно будет необходимым пособием для всех, желающих изучить Туркестан, в каком бы то ни было отношении». И эта надежда вполне оправдалась. Благодаря усилиям Комитета и связанных с ним лиц в ежегодники вошло большое количество разнообразнейших материалов, статей, исследований, очерков и заметок по археологии, истории, этнографии, топографии, географии, полезным ископаемым, экономике и статистике (промышленность, кустарные промыслы, сельское хозяйство, торговля, пути сообщения, здравоохранение, образование) Туркестанского края и другим вопросам⁷.

Примечательно, что если первый выпуск «Материалов» носил в основном демографическо-статистический характер и ограничивался публикацией соответствующих материалов⁸, то последующие выпуски имеют весьма разнообразное содержание и принимают характер типичных научно-краеведческих сборников, составляемых при участии многих авторов. Кстати заметим, что второй выпуск «Материалов» сложился еще и за счет сведенных в одну книгу статей краеведческого содержания, опубликованных в «Туркестанских ведомостях» за 1870—1871 гг.

В вып. III—V «Материалов» мы находим такие крупные работы, как «Военно-топографический очерк горной страны верховьев р. Зеравшана» Г. А. Аминова, «Заметка о Кульджинском крае» А. В. Каульбарса, «Библиографический указатель сочинений о Средней Азии, напечатанных в России на русском языке с 1692 года» Н. В. Дмитриевского, «О русских поселениях к югу и к западу от Иссык-куля» Н. А. Северцова, «Исторический очерк Семипалатинска и его торговли» И. Земляничина, «Культура оазиса низовьев Аму-Дарьи» А. Л. Куна, «Азиатский Ташкент» П. Маева, «Статистические сведения по Кульджинскому району» и «Статистические сведения о бывшем Кульджинском султанстве (в 1868-9 и 1869-70 годах)» Н. Н. Пантусова, «Очерки Гиссарского края» и «Очерки горных бекств Бухарского ханства» Н. А. Маева, «Статистические сведения по нагорным тюменям Заравшанского округа, за 1877 год» Г. Арендаренко и ряд других.

С первого же дня своего существования Комитет ходатайствовал о создании при нем общественной библиотеки, учреждении звания членов-корреспондентов⁹, а также о разрешении издавать при нем газету,

⁷ Всего вышло 5 выпусков (1872—1876). Со второго выпуска сборники именовались: «Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник»; ср.: Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. Издание Туркестанского Статистического Комитета под редакцией Н. А. Маева. вып. I, СПб., 1872, 237 + 133 стр.; вып. II, СПб., 1873, 573 стр.; вып. III, СПб., 1874, 452 стр.; вып. IV, СПб., 1876, 313 + 204 стр.; вып. V, СПб., 1879, 400 + 29 стр. Большое значение имела публикация в вып. III «Материалов» одного из первых в крае библиографических указателей (Н. В. Дмитриевский, Библиографический указатель книг и статей по Средней Азии с конца прошлого столетия по 1869 год).

⁸ Н. А. Маев, Топографический отчет Туркестанского края; Орография и гидрография края; А. В. Буняковский, О пространстве и населении Туркестанского края; Статистические сведения по Сыр-Дарьинской области; Статистические сведения по Семиреченской области; Приложения (Журналы заседаний Комитета).

Впрочем, упомянутые статистические сведения уже включали в себя не только данные годовых отчетов, переписей так называемой организационной комиссии, но по существу и отдельные статьи и материалы различных авторов (напр., М. А. Терентьев, Города, кишлаки и аулы Кураминского уезда, с обозначением числа жителей и количества запахиваемой земли; А. А. Кушакевич, Города Ходжент и Ура-Тюбе; А. А. Логинов, Город Аулие-Ата и укрепление Мерке и т. д.).

⁹ Среди первых членов-корреспондентов Комитета, избранных 20 августа и 2 сентября 1870 г., были известные туркестановеды и деятели первых научных обществ края — Г. А. Аминов, С. И. Жилинский, А. В. Каульбарс, А. А. Кушакевич, Н. Ф. Петровский, А. П. Федченко и др.

которая, наряду с правительственными распоряжениями, помещала бы и «ученые труды, до изучения края относящиеся».

Предложения Комитета об издании газеты, ее назначении и содержании не остались бесплодными. С 1870 г. стала выходить первая в крае газета — «Туркестанские ведомости» — официальное издание, призванное служить распространению в крае сведений о правительственных и административных распоряжениях и содействовать широкому изучению Туркестана и сопредельных стран Востока¹⁰. Название газеты, ее назначение, наличие в ней двух отделов: официального и неофициального — с систематической публикацией в последнем ценных материалов по природе и истории края делают очевидной связь между выпуском этой газеты и упомянутыми выше предложениями Туркестанского статистического комитета¹¹.

Политический облик «Туркестанских ведомостей» был совершенно ясным: газета была органом колоннальной администрации края и носила сугубо монархический характер.

В то же время общепризнанно, что неофициальная часть газеты служила (и служит ныне) источником самых различных сведений по природе, экономике и истории края. Здесь выступали со своими публикациями такие известные ученые, как В. В. Бартольд, И. Ю. Крачковский, М. С. Андреев, Н. А. Аристов, В. Л. Вяткин, Н. И. Веселовский, В. Ф. Ошанин, А. П. Федченко, А. А. Диваев и многие другие.

Уже в 1870 г. в виде приложения к «Туркестанским ведомостям» стала выходить газета на узбекском языке («Туркестанская газета», с 1887 по 1916 г. — «Туркестанская туземная газета»), неофициальная часть которой также содержала много краеведческих материалов. В газете публиковались и переводы текстов некоторых классических произведений русской литературы, произведения местных авторов — Фурката, Мукими и др.¹²

Надо заметить, что хотя власти видели в «Туркестанской туземной газете» возможность прежде всего «влиять на умы местного населения»¹³ в желательном для них духе, а тираж газеты и круг ее читателей были весьма ограничены, все же сам факт выхода первой газеты на узбекском языке имел определенное прогрессивное значение. Материалы же, публиковавшиеся на страницах неофициальной части газеты (как бы ни были они порой тенденциозны) носили в известной мере познавательный характер и несомненно содействовали сближению грамотной части местного населения с русской культурой.

Статистическому комитету принадлежала серьезная заслуга и в постановке вопроса об учреждении в крае местных (периферийных) комитетов. В начале 1872 г. Комитет возбудил «вопрос о расширении

¹⁰ Ср. М. П. Авшарова, Русская периодическая печать в Туркестане (1870—1917), Библиографический указатель литературы, Ташкент, 1960, стр. 65—69. Газета издавалась по 1917 г. включительно. Кстати отметим, что первым редактором газеты (1870—1892) был секретарь Туркестанского статистического комитета Н. А. Маев.

¹¹ Материалы для статистики Туркестанского края, ежегодник, вып. II, СПб., 1873, стр. 574. Ср. «Туркестанские ведомости», Двадцатипятилетие «Туркестанских ведомостей», «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», т. IX, 1895, стр. 243—262.

¹² Н. П. Остроумов, Сведения о «Туркестанской туземной газете», «Труды Сыр-Дарьинского Областного Статистического Комитета», Ташкент, 1888, и др. Расходы «по изданию газеты на русском и туземном языках» включались в расходы по штатному расписанию Управления Туркестанского края (Положение об управлении Туркестанского края, Ташкент, 1886, стр. 5, 62).

¹³ Государственный Совет. В Соединенных Департаментах Законов, Государственной Экономики и Гражданских и Духовных дел. Министерство военное. Январь — март 1886 г., № 37, стр. 89—90.

статистических исследований в Туркестанском крае учреждением местных статистических комитетов в областях и городах края» и разработал проект их организации¹⁴.

Известно, что образование статистических комитетов предусматривалось еще в первой половине XIX в. 26 декабря 1860 г. было издано новое Положение о губернских и областных статистических комитетах. Это Положение было принято до присоединения Туркестана к России. Однако в утвержденном 12 июня 1886 г. Положении об управлении Туркестанского края предусматривалось, что «применительно к положению о губернских статистических комитетах, могут быть учреждаемы, с разрешения генерал-губернатора, областные статистические комитеты, на счет общего по области земского сбора»¹⁵.

В соответствии с новым Положением с 1 января 1887 г. были образованы областные статистические комитеты — Сыр-Дарьинский (с местонахождением в Ташкенте), Самаркандский (Самарканд), Ферганский (Новый Маргелан) и Закаспийский (Асхабад)¹⁶.

В рамках нашего очерка особого внимания заслуживает издательская деятельность областных комитетов¹⁷. Эту сторону дела отмечал еще В. В. Бартольд. Говоря о том, что в период после завоевания Туркестана «одним из условий успешности научной работы была бы правильная организация в Ташкенте издательского дела, чего не удалось достигнуть», Бартольд считал, что «из официальных изданий лучшим местом для помещения научных статей были издания статистических комитетов»¹⁸. Далее В. В. Бартольд указывал на «Материалы для статистики Туркестанского края» и другие издания комитетов.

Особое место занимают пообластные обзоры с подробными сведениями о «естественных и производительных силах», народном хозяйстве, ирригационных системах, путях сообщения, населении и его занятиях, податях и налогах, административном устройстве, здравоохранении и просвещении, общественном благоустройстве, метеорологических наблюдениях и т. д. Этим обзорам сопутствовали сводные статистические таблицы¹⁹.

Всего было издано до 100 выпусков обзоров, в том числе: «Обзоры Сыр-Дарьинской области» за 1886—1913 гг. (Ташкент, 1887—1916),

¹⁴ Проект организации местных статистических комитетов в Туркестанском крае, Материалы для статистики Туркестанского края, ежегодник, вып. III («Деятельность Туркестанского статистического комитета в 1871—1872 гг.»), стр. 196—199. С деятельностью Туркестанского статистического комитета связаны также подготовительные меры к созданию в Ташкенте Публичного музея, открытого в 1876 г.

¹⁵ Положение об управлении Туркестанского края, стр. 10.

¹⁶ Туркестанский статистический комитет был упразднен с 1 января 1887 г., т. е. с открытием в крае областных комитетов. О деятельности Комитета см.: ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 11, д. 139 (с отчетами о деятельности Комитета с 1871 по 1879 г.) и другие архивные материалы этого и иных фондов.

¹⁷ Имеется составленный Е. К. Бетгером, но не опубликованный «Указатель к сборникам, изданным статистическими комитетами в Туркестанском крае» (Ташкент, 1931, рукопись справочно-библиографического отдела Государственной публичной библиотеки им. А. Навои в Ташкенте, 7 + 51 + 59 стр.). Однако этот указатель охватывает только те издания комитетов, которые Е. К. Бетгер относил к категории «сборников» (труды и др.), содержавших статьи научно-краеведческого характера.

¹⁸ В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 207—208. «Были образованы, — пишет В. В. Бартольд, — комитеты, в которых сосредоточивались работы по изучению края не только в статистическом, но также в географическом, этнографическом и историческом отношениях» (В. В. Бартольд, История изучения Востока в Европе и России, изд. второе, Л., 1925, стр. 263).

¹⁹ Вначале такие обзоры служили приложениями к отчетам военных губернаторов. Со временем в обзорах, наряду со статистическими материалами, стали публиковаться и статьи отдельных авторов.

«Обзоры Ферганской области»²⁰ за 1884—1913 гг. (Новый Маргелан — Скобелев, 1889—1916), «Обзоры Семиреченской области» за 1892—1912 гг. (Верный, 1893—1914), «Обзоры Закаспийской области» за 1891—1914 гг. (Асхабад, 1893—1916)²¹.

Публиковавшиеся комитетами материалы являли собой более высокий этап разработки статистических данных и были более подробными и объективными, чем данные, собиравшиеся до организации этих комитетов различными учреждениями колониальной администрации края.

Недаром в рецензии на первую книгу сборника материалов для статистики Сыр-Дарьинской области говорилось: «Нельзя не порадоваться появлению этой книги: в Туркестанском крае это — *первое* (курсив наш. — Б. Л.) статистическое издание, предпринятое при участии людей, взявшихся за статистическую работу добровольно, не по служебной обязанности. В этом главная ценность и заслуга «Сборника»; грустный опыт многих лет показал полную несостоятельность «казенной» статистики, обыкновенно *сочиняемой* (курсив автора. — Б. Л.) кем придется и как придется»²².

В ряде отношений статистические материалы комитетов по методам их собирания и обработки в какой-то мере приближались к материалам земской статистики. Как известно, В. И. Ленин указывал, что русская земская статистика по полноте отдельных данных и детализации их обработки стояла выше западноевропейской статистики. «Нельзя себе представить экономиста, — писал В. И. Ленин, — изучающего экономическую действительность России, который бы мог обойтись без данных земской статистики»²³.

В то же время Ленин подчеркивал, что земская статистика не имела подлинной научной теоретической основы, страдала злоупотреблением «огульными» средними данными и т. д. Ленинские замечания в адрес земской статистики могут быть распространены и на цифровые материалы статистических комитетов Туркестанского края²⁴.

Следовательно, эти материалы требуют осторожного и критического отношения со стороны советских исследователей, хотя они и поныне остаются весьма ценным (а зачастую — единственным) источником для изучения социально-экономической истории Туркестана с 80—90-х годов XIX в. вплоть до Октябрьской революции²⁵.

Кроме пообластных обзоров, комитеты выпускали также свои труды и другие издания. Например, Сыр-Дарьинский комитет издал один том своих трудов (ТСДОСК, Ташкент, 1888), 13 выпусков «Сбор-

²⁰ С 1904 г. они стали называться «Статистическими обзорами Ферганской области».

²¹ Было издано также два сводных тома «Обзоров»: за 1882—1890 и 1890—1896 гг., куда были включены дополнительные статистические данные, не вошедшие в ежегодные обзоры.

²² Г. Тарновский (рецензия), Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области. Издание Сыр-Дарьинского Областного Статистического Комитета. Ташкент, 1891, газ. «Окрина», 1891, № 77. Напомним, кстати, что в свое время сотрудниками статистического комитета в Вятке были А. И. Герцен и М. Е. Салтыков-Щедрин.

²³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, стр. 556.

²⁴ Ср., напр., критику статистических данных о сумме годового производства кустарных промыслов, приведенных, в обзоре Сыр-Дарьинской области за 1891 г., данную в статье К. М. Оберучева «Изучение кустарных промыслов Туркестанского края», «Записки Русского технического общества», год XXVIII, СПб., 1894, № 10, стр. 24—25.

²⁵ Надо учитывать и неблагоприятные условия сбора статистических сведений на местах, особенно среди коренного населения, настороженно и подозрительно относившегося к русским чиновникам как представителям колониальной администрации.

шников материалов для статистики Сыр-Дарьинской области» (СМССДО, Ташкент, I—XIII, 1891—1907), а также составленный И. Е. Ступаковым «Адрес-справочник Туркестанского края с... календарем на 1910 год»²⁶.

Особняком стоит первый и единственный выпуск «Сборника материалов для статистики Самаркандской области» (Самарканд, 1890), изданный Самаркандским областным статистическим комитетом под редакцией М. Вирского и включающий статистические данные за 1887—1888 гг., а также несколько статей краеведческого характера (сельское хозяйство, школьное дело)²⁷. Затем комитет опубликовал 10 выпусков «Справочной книжки Самаркандской области» (СКСО, Самарканд, I—X, 1893—1912), а также 17 выпусков «Адресов-календарей Самаркандской области» (1893—1914)²⁸.

Закаспийский областной статистический комитет ограничился в этом плане изданием «Адреса-календаря Закаспийской области» (Асхабад, 1902) и «Адреса-справочника по Закаспийской области на 1915 г.» (Асхабад, 1915). Ферганский областной статистический комитет выпустил три тома «Ежегодников Ферганской области» (ЕФО, Новый Маргелан, I—III, 1902—1904) и «Адресную справочную книгу Ферганской области» (Скобелев, 1912).

Указанные издания комитетов содержали множество публикаций научно-краеведческого характера. Правда, не все они отвечали тогдашнему уровню научных требований; среди них почти не было крупных фундаментальных трудов. Но многие из них и сейчас еще не утратили своего значения, особенно по охватываемому ими фактическому материалу.

Достаточно указать, например, что на страницах «Памятной книжки Семиреченского областного статистического комитета (1898, т. II) впервые была опубликована известная работа В. В. Бартольда «Очерк истории Семиречья».

Из работ, содержащих интересные материалы к историко-экономическому и культурно-бытовому описанию отдельных населенных пунктов и местностей Туркестана, следует упомянуть: М. С. Андреев — «Исторические заметки о Ходженте» (СКСО, 1896); М. Вирский — «Очерк Яны-Курганской волости Джизакского уезда Самаркандской области по данным земельно-податных работ» (СКСО, X, 1902); А. Вышнегорский — «Краткий список населенных мест Туркестанского участка к январю 1888 г.» («Адрес-справочник по Закаспийской области» на 1915 г.); Н. С. Лыкошин — «Чапкуплукская волость Ходжентского уезда Самаркандской области. Опыт исследования экономических и бытовых условий жизни ее населения» (СКСО, VIII,

²⁶ Критический отзыв на «Адрес-справочник...» см. А. И. Добросмыслов, Ташкент в прошлом и настоящем, стр. 306—309.

Здесь мы почти не касаемся деятельности Семиреченского областного статистического комитета (г. Верный), опубликовавшего 5 томов «Памятных книжек и адресов-календарей Семиреченской области» (1898—1905).

²⁷ Комитет издал также составленный М. Вирским «Туркестанский коммерческий адрес-календарь на 1898 год» (Самарканд, 1898) с заслуживающими внимания исследователей данными о торгово-промышленных фирмах края.

²⁸ Первые три выпуска включались (с отдельной пагинацией) в «Справочную книжку Самаркандской области». С 1899 г. адрес-календарь включался иногда в содержание «Справочников Самаркандской области». 15-й выпуск адреса-календаря в библиотеках не обнаружен, и год издания его неизвестен (ср. М. П. Авшарова, указ. соч., стр. 83). Что же касается «Справочников Самаркандской области», то они были изданы в количестве 10 выпусков, которые брошюровались вместе с «Адресами-календарями Самаркандской области». (Выпуск первый — с выпуском седьмым «Адреса-календаря», за 1899 г. и соответственно далее).

1906); В. П. Наливкин — «Опыт статистического очерка кишлака Нанай (ТСДОСК, 1888); И. Оракулов — «Статистические данные о кишлаке Чиназ» (СМССДО, 1891); Е. Т. Смирнов — «Задичавшая страна. Побережье Сыр-Дарьи. История. Земледелие и ирригация у киргизов» (СМССДО, IV, 1895); О. А. Шкапский — «Земледелие и землевладение в Шураханском участке Аму-Дарьинского отдела» (СМСДСК, VIII, 1900) и др.

В трудах комитетов освещались вопросы, связанные с изучением вакуфов и вакуфных документов: В. В. Благовещенский — «К вопросу о вакуфах в Сыр-Дарьинской области» (СМСДО, 1891); М. Вирский — «Медресе и мечети Самарканда и их вакуфы» (Материалы для статистики Туркестанского края, IV, 1876); В. Л. Вяткин — «О вакуфах Самаркандской области» (СКСО, IX, 1907); А. Москальцев — «Исследование вакуфов в Ташкентском уезде» (СМССДО, IV, 1895); В. П. Наливкин — «Положение вакуфного дела в Туркестанском крае до и после его завоевания» (ЕФО, III, 1904) и т. д.

Публиковались и переводы восточных рукописей с комментариями к ним: В. Л. Вяткин — «Самарканд и его окрестности в прошлом по описанию султана Бабура Мирзы, перевод из «Бабур-намы» (СКСО, 1896); В. Л. Вяткин — «Самаркандский вилайет (Перевод из «Риссоля» Мухаммеда Салиха)» (СКСО, 1897); «Кодекс приличий на Востоке (Адаб-уль-салихын). Сборник Мухаммеда Садыка и Кашкари. Перевел с тюркского Нил Лыкошин» (СМССДО, IV, 1895); Н. С. Лыкошин — «Перевод «Риссоля-и-Тарикат» (СМССДО, VII, 1899)²⁹; «Премудрость Хазрат-Султана-Арифин-Ходжа-Ахмада-Яссави». С тюркского перевел Н. С. Лыкошин (СМССДО, IX, 1901); «О гадании у среднеазиатских жителей» (СКСО, IX, 1907) и др.

Большое место отводилось в изданиях комитетов (особенно Сыр-Дарьинского и Самаркандского) публикациям фольклорных материалов. Наиболее активно участвовал в этом деле известный знаток казахского фольклора А. А. Диваев («Сказки, собранные в Чимкентском и Аулиеатинском уездах», «Сказки и басни населения Сыр-Дарьинской области», «Демонологические рассказы киргизов», «Киргизские приметы», «Алпамыс-батыр», «Джез-Тырнак», «Памятники киргизского народного творчества» и многие другие). В. Л. Вяткин напечатал в «Справочных книжках Самаркандской области» легенды об основании и истории Самарканда и т. д.

Среди этнографических материалов выделялись публикации по истории и современному состоянию кустарных промыслов края: С. Билькевич — «Ковровое производство [Туркменин]» («Адрес-справочник по Закаспийской области на 1915 год»); Н. Васильев — «Швейные мастерские в Ташкенте» (СМСДСК, 1892); Н. И. Габбин — «Кустарные промыслы. I. Производство седел — ленчиков» (СМССДО, VII, 1899); его же — «Кустарные промыслы. II. Производство арб» (СМССДО, VIII, 1900); А. А. Диваев — «Этнографические материалы» (СМСДСК, III, 1894); Н. А. Кирпичников — «Краткий очерк некоторых туземных промыслов в Самаркандской области» (СКСО, V, 1897); Ю. О. Якубовский — «Переплетное ремесло у туземцев Самарканда» (СКСО, 1896) и др. В трудах Сыр-Дарьинского комитета

²⁹ Отмечая поверхностность и компилятивность ряда публикаций местных дореволюционных туркестановедов по исламу, В. В. Бартольд писал: «Исключение представляют статьи в VII томе «Сборника материалов для статистики Сыр-Дарьинской области» Н. С. Лыкошина, имевшего возможность непосредственно ознакомиться с местными представителями мусульманского мистицизма и их учением» (В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 207).

были напечатаны две части обширной работы А. П. Шишова «Сарты» (СМССДО, XI, 1904; XII, 1905).

Самаркандский статистический комитет опубликовал в своих трудах большинство капитальных работ, написанных известным туркестановедом В. Л. Вяткиным (1859—1932) в дореволюционное время³⁰. На страницах «Справочных книжек Самаркандской области были напечатаны такие важнейшие работы В. Л. Вяткина, как перевод рукописи Мир Абу Тахир садра Самаркандского «Самарийа»³¹ (30-е годы XIX в.), содержащей важнейшие для историков и археологов данные к описанию Самарканда и его древностей³². Там же был опубликован впервые переведенный Вяткиным текст первой части агнографической рукописи Имама Абу-л-Фазл Мухаммеда б. Абдулджалил б. Абдулмелик б. Хайдар ас-Самарканди «Кандия-й и Хурд» («Кандия Малая») ³³, представлявшей собой сокращенную таджикскую редакцию «Сахарной книги по истории Самарканда» Абу-Хафс Наджмуддина Омар б. Мухаммед ан-Несефи ас-Самарканди (ум. в 1142 г.), чьим учеником был автор «Кандии Малой»³⁴. Указанная рукопись содержала в себе описание мазаров Самарканда и ряд ценных данных по истории города.

Из материалов по исторической топографии особенно выделялась работа В. Л. Вяткина «Материалы к исторической географии Самаркандского вилаета» (СКСО, VII, 1902), высоко оцененная В. В. Бартольдом, как и другие вяткинские труды («работы В. Л. Вяткина занимают совершенно исключительное место среди работ по истории Туркестана») ³⁵. В наши дни проф. А. Ю. Якубовский отметил упомянутую работу В. Л. Вяткина «как ценную по богатству собранных материалов»³⁶.

В трудах комитетов публиковались также археологические заметки М. Вирского, А. Позднева, Ф. Пояркова, В. Чертова и др., не лишённые значения, в частности, для составления археологической карты Средней Азии. Там же печатались и материалы, небезынтересные для истори-

³⁰ Е. К. Бетгер, Список трудов Василия Лаврентьевича Вяткина, «Труды Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина», Археология Средней Азии, V, Ташкент, 1960, стр. 124—127.

³¹ «Самарийа», Описание древностей и мусульманских святынь Самарканда, Абу Тахир Ходжи, перевел В. Л. Вяткин, предисловие и примечания переводчика, СКСО, вып. VI, Самарканд, 1899, стр. 153—259.

³² Ср. «Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР», т. I, Ташкент, 1952, стр. 306—307 («Самарийа»).

³³ В. Л. Вяткин, Кандия Малая, перевод краткой редакции на персидском языке арабского труда Абу Хафса Наджметдина Умара б. Мухаммад ан-Насафи ас-Самарканди, предисловие и примечания переводчика, СКСО, вып. VIII, Самарканд, 1906, стр. 235—290.

³⁴ Ср. «Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР», т. I, стр. 302—303 («Кандия Малая»). В. Л. Вяткин осуществлял свой перевод, очевидно, по списку XVIII в. Об истории и содержании рукописи см.: Н. Д. Миклухо-Маклаи, Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения АН СССР, вып. I, Л., 1955, стр. 15—18. Перевод одной легенды из «Кандии Малой» выполнил В. А. Жуковский (ср. Ю. З. Борщевский, К характеристике рукописного наследия В. А. Жуковского, в кн.: «Очерки по истории русского востоковедения», V, М., 1960, стр. 11).

³⁵ В. В. Бартольд, История изучения Востока в Европе и России, стр. 263. «Много ценного материала, в особенности по истории и археологии Туркестана, — писал В. В. Бартольд, — появлялось... в «Справочной книжке Самаркандской области». В выпуске VII последнего органа помещена едва ли не самая важная из работ этой категории — «Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета» (В. В. Бартольд, Иран, Исторический обзор, Ташкент, 1926, стр. 121—122).

³⁶ А. Ю. Якубовский, Из истории археологического изучения Самарканда, в кн.: «Труды Отдела истории культуры и искусств Востока», т. II, Л., Государственный Эрмитаж, 1940, стр. 303.

ков права (данные о характере и количестве «преступлений и проступков» в областях края, о местных судах и др.).

Кстати, заметим, что пообластные обзоры с их данными о количестве «проступков против порядка управления» и числе привлеченных к суду по этим и другим делам дают важный материал к характеристике революционного движения в крае, в частности в годы первой русской революции и после нее.

Было опубликовано также много материалов по экономике и торговле края, по торговым связям с Китаем и т. д. Для историографа небезынтересны и тексты протоколов заседаний статистических комитетов.

Наконец, не лишены определенного справочного значения и публикувавшиеся в изданиях комитетов списки административных пунктов и населенных мест, сведения о личном составе гражданских и военных учреждений, учебных заведений края и т. д.

Следует отметить, что труды комитетов вызывали сочувственные и, как правило, весьма положительные отзывы не только в местной печати, но и в центральных научных изданиях, причем среди рецензентов были такие крупные ученые, как В. В. Бартольд («Записки Восточного отделения Русского археологического общества», IX, стр. 297—299; XII, стр. 122—125; XIII, стр. 115; XV, стр. 50—56; XVIII, стр. 181—191; XXI, стр. 143—145)³⁷; Л. С. Берг («Известия Русского географического общества», XI, стр. 418); Н. И. Веселовский (ЗВОРАО, III, стр. 141) и др.

Итак, весьма разнообразное содержание работ статистических комитетов вполне заслужило и заслуживает внимания исследователей, в первую очередь работающих в области общественных наук. Но само собой разумеется, что использование их в наши дни должно осуществляться не механически, а с учетом ленинских указаний о критическом освоении культурного наследия прошлого.

Б. В. Лунин

ТУРКИСТОН ЎЛКАСИ СТАТИСТИКА КОМИТЕТЛАРИНИНГ ФАОЛИЯТИ ТАРИХИДАН

Мақолада Туркистон ўлкаси статистика комитетларининг фаолияти ҳақида гапирилади. Автор асосий этиборни бу комитетлар босиб чиқарган ишларга қаратган, чунки бунда йирик олимлар В. В. Бартольд, В. Л. Вяткин, В. Ф. Ошанин ва бошқаларнинг қўлгина қимматбахо асарлари нашр қилинган. Комитетлар нашр қилган ишларда Туркистоннинг табиати, экономикаси, тарихи ва маданиятига доир жуда қўп материаллар бўлиб, улар ҳозирга қалар ўз аҳамиятини сақлаб қолмоқда.

³⁷ См. также рец. в ЗВОРАО: IV, стр. 121—122; XV, стр. 45—46 и др.

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

8

1977

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

ИСТОРИОГРАФИЯ

НИКОЛАЙ РАЕВСКИЙ — ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

(Из истории хлопководства и культурной жизни в Узбекистане
70-х годов XIX века)

Известно, какое значение для развития хлопководства в Узбекистане имел переход к культивированию новых, более качественных (так называемых «американских») сортов хлопчатника.

Заметная роль здесь принадлежала энтузиасту этого большого начинания Николаю Николаевичу Раевскому — человеку яркой и необычной судьбы. С его именем связана и одна из страниц культурной жизни дореволюционного Узбекистана — возникновение и начальная деятельность Туркестанского отдела Общества для содействия русской промышленности и торговле.

Пионером введения в Средней Азии посевов хлопчатника лучшего (в сравнении с местным) качества называл Раевского В. И. Масальский в своем очерке развития хлопководства¹.

К сожалению, имя и деятельность Раевского с течением времени подвергались все большему забвению и в наши дни принадлежат к числу если не забытых полностью, то во всяком случае мало известных. Правда, и поныне его имя упоминается иной раз в работах по истории отечественного хлопководства, но, как правило, лишь в контексте предельно кратких, общих и беглых данных о нем как устроителе хлопковых плантаций под Ташкентом.

Между тем, как увидим ниже, пребывание Раевского в Средней Азии, как и вся его короткая жизнь, заслуживает несомненного внимания.

По словам составителя и комментатора ставшего библиографической редкостью «Архива Раевских», известного литературоведа Б. Л. Модзалевского, Раевский «принадлежал к числу тех... натур, которые всю жизнь неустанно ищут себе главного дела и, раз остановившись на чем-либо, готовы вложить в него всю свою душу»². То был человек «романтический, исполненный исканий»³.

Это точное определение.

Раевский принадлежал к старинному дворянскому роду. Имя Раевских носило в разное время немало крепостников, помещиков, представителей косной и «правовой» идеологии дворянства. Но род Раевских известен и именами, прочно вписанными в славные страницы истории нашей страны. Достаточно вспомнить героя Отечественной войны 1812 года генерала Николая Николаевича Раевского, других ее участников — сыновей генерала, двенадцатилетнего тогда Николая и семнадцати-

¹ В. И. Масальский. Хлопковое дело в Средней Азии (Туркестан, Закаспийская область, Бухара и Хива) и его будущее. — СПб., 1892. Ср.: «Путеводитель по Туркестану и железным дорогам Ташкентской и Средне-Азиатской. 1907—1908». Под редакцией А. И. Дмитриева-Мамонова. — СПб., 1907, стр. 77 (с указанием на выведение Раевским наиболее ценного американского хлопка *Sea Island* (*Gossypium barbadense* L.). См. также: [Е. Т. Смирнов]. Сыр-Дарьинская область. Описание, составленное по официальным источникам Е. Смирновым. — СПб., 1887, стр. 170.

² Б. Л. Модзалевский. Раевский Николай Николаевич. — Русский библиографический словарь, Том II, СПб., 1910, стр. 404—407. Здесь же указаны источники к биографии Раевского: его послужной список от 18 июля 1876 г., ряд русских и зарубежных газет, преимущественно с откликами на смерть Раевского, воспоминания о нем В. А. Полторацкого и В. М. Череванского. Очерк Б. Л. Модзалевского «с незначительными изменениями» перепечатан автором в кн.: «Архив Раевских», Том V, Пг., 1915, стр. 523—527 (далее AP, V).

³ AP, V, стр. V. Работая над пятым томом «Архива», Борис Львович Модзалевский, как никто другой, сделал очень многое для того, чтобы собрать разрозненные, часто затерянные материалы к биографии Н. Н. Раевского, и материалы эти остаются всесторонне ориентирующими и ключевыми для всех, кто интересуется жизнью и деятельностью одного из примечательных представителей рода Раевских.

него Александра, вместе с отцом шедших в атаку под огнем врага в сражении при деревне Салтанкова (южнее Житомира), в последующем близких знакомцев А. С. Пушкина⁴, причастных к декабристскому движению. Вспомним и дочь генерала, Марию Николаевну Раевскую, жену декабриста С. Г. Волконского, разделившую с мужем его тяжкую сибирскую ссылку; другую дочь — Екатерину Николаевну — супругу декабриста М. Ф. Орлова; друга Л. Н. Толстого — Н. Н. Раевского, погибшего от тифа во время борьбы с голодом 1891 г., и других.

Николай Раевский, о котором пойдет речь в нашей статье, был сыном генерал-лейтенанта Н. Н. Раевского (младшего) и внуком Н. Н. Раевского (старшего) — ветерана войны 1812 года.

Родился Николай 5 ноября 1839 г. в Керчи. Потерял отца на четвертом году жизни. Воспитывался матерью, просвещенной и энергичной женщиной⁵.

Детство и юность Н. Н. Раевского протекали в условиях жизни хорошо обеспеченной, не стесненной в средствах семьи. В детские годы он проживал в Италии, Франции, Англии, а с 17 лет — в Москве, где ближайшим учителем и наставником Николая и его младшего брата Михаила был выдающийся историк и общественный деятель, представитель левого крыла буржуазно-либерального направления Тимофей Николаевич Грановский.

Последнее обстоятельство, несомненно, важно для биографии Николая и Михаила Раевских⁶. Весьма характерны благоговейные чувства братьев к Грановскому. М. Н. Раевский (1841—1893), мысленно обращаясь к покойному Грановскому, писал в своем стихотворении:

«...И ты, наставник мой, советник дорогой!
Ты первый в душу мне добра и правды семя
Посеял тихую, заботливой рукой, —
И чувств моих к тебе не истребило время!»⁷

Сейчас, мысленно обозревая жизненный путь Николая Раевского, мы, очевидно, вправе сделать вывод, что был он «трудным юношей». И не оттого, что был слаб от рождения (его приходилось даже отправлять на лечение в Италию и Крым), а потому, что был пылким, нервным, впечатлительным, с легко ранним сердцем. Добрый и верный товарищ, с «душой отзывчивой и чуткой», он порой бывал, однако (особенно по мере взросления и «вхождения в мир»), угрюмым, молчаливым и замкнутым. Родовитостью и знатностью происхождения, судя по всему, он никогда не кичился и меньше всего помышлял пользоваться именем и заслугами предков для своей личной карьеры...

...1858 год. Николай Раевский — студент-первогодник физико-математического факультета Московского университета.

В том году жизнь Московского университета была ознаменована серьезными студенческими волнениями, вошедшими в историю как один из эпизодов приближающегося разночинского периода освободительной борьбы в России. Они вспыхнули в знак солидарности со студентами закрытого властями Петербургского университета, «учинившими беспорядки» в связи с введением драконовских «университетских правил» («матрикул»).

Деятельное участие в волнениях принимали и братья Раевские. На квартире Николая обсуждался составленный им проект обращения («адреса») студентов на имя царя («Государь, откройте вновь университет... допустите и немущих к слушанию лекций»). Вызванный в Следственную комиссию Николай Раевский вел себя стойко и не скрывал своего активного участия в студенческом протесте против «оскорблений среди белого дня со стороны полиции и жандармов»⁸.

⁴ Ср.: Л. А. Черейский. Пушкин и его окружение. — Л., Изд-во «Наука», 1976, стр. 339—342.

⁵ Анной Михайловной Раевской, урожденной Бороздиной (1819—1883). Она была известна, в частности, устроением в Москве воскресных школ и своим увлечением археологией и нумизматикой, приведшим к ее избранию в 1872 г. в члены-корреспонденты Московского археологического общества по представлению А. С. Уварова (подробнее см.: АР, V, стр. 16—17, 149). Один из посвященных ей некрологов принадлежал перу академика Д. Н. Анучина (Труды Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, Том XVIII, М., 1897, стр. 503—514).

⁶ Семейный архив Н. Н. и М. Н. Раевских хранится в Москве: ЦГАОР (ЦИАЛ), ф. 1045, 85 ед. хр. 1822—1921. Ср.: «Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. Указатель». Том II, II—Я, М., 1963, стр. 106.

⁷ Стихотворения М. Н. Раевского. — СПб., Типография А. С. Суворина, 1894, стр. 13. Михаил Николаевич Раевский был известным садоводом-практиком, президентом Российского общества садоводства, любителем литературы, поэтом.

⁸ Его показания в Следственной комиссии 29 ноября 1861 г. см.: АР, V, стр. 373—393.

Играв активную роль в «беспорядках», Н. Раевский в то же время принадлежал к так называемой «умеренной партии» студентов, и едва ли братьями Раевскими владели настроения революционно-демократического характера. Речь шла о том, что они видели свой нравственный долг в солидарности с коллективом, товарищами по учению, в непримиримости к грубым нарушениям прав и достоинств человека⁹.

Достоинством и то, что, будучи студентом, Н. Раевский сблизился с кружком И. С. Аксакова¹⁰.

...О ранней учености Николая наукой могут свидетельствовать его студенческие письма к матери (июль 1859 г.)

Ему и его брату Михаилу было во многом обязано своим появлением в свет такое полезное издание, как «Библиотека естественных и математических наук» (1859—1860). Н. Раевский выступал в ней как редактор отдела Первого («Физика»), составившего первый же выпуск «Библиотеки»¹¹.

В годы учения проявилась и склонность братьев к занятиям в области сельского хозяйства. В сентябре 1860 г. Николай посещает в Михайловском манеже выставку произведений сельского хозяйства и промышленности Вольного экономического общества. В том же году вопреки возражениям матери, опасавшейся за убыточность затеянной братьями предприятия, Николай и Михаил задумали приобрести в Крыму дополнительно к имени Раевских землю с садами и виноградниками в районе Парентита, на берегу моря¹².

...Окончен университет. 10 апреля 1863 г. Н. Н. Раевский, следуя советам близких и семейным традициям, поступает в качестве унтер-офицера в лейб-гвардейский гусарский полк. Все, казалось бы, предвещало ему быструю и блистательную карьеру военного: в 1863 г. — он корнет, в 1864 — поручик, в 1866 г. — штабс-ротмистр, в 1868 г. — ротмистр, командир эскадрона, плюс к этому возможность беспечной светской жизни гвардейского офицера.

Но именно это и не пришлось по душе Раевскому, и по его настойчивым просьбам в марте 1870 г. его переводят в чине подполковника на службу в Туркестан. По прибытию в Ташкент Раевский был направлен в Самарканд и зачислен в 9-й Туркестанский линейный батальон.

Судя по всему, стремление Н. Н. Раевского оказаться на далекой по тем временам окраине чинири было связано с желанием своими глазами увидеть этот край, представлявшийся ему страной восточной экзотики, ибо тогда он имел довольно смутные и даже превратные представления о Средней Азии и населяющих ее народах¹³.

Перед Раевским и в Туркестане открывалась, казалось, самая радужная перспектива быстрого продвижения по военной службе. К представителю прославленного рода Раевских питал благосклонность и «сам» Кауфман — всемогущий генерал-губернатор Туркестанского края.

Но военная карьера и злость не прельщала Николая Раевского. К тому же режим, порядки, образ действий колониальной администрации, особенно некоторых ее высокопоставленных особ, удрушавшая атмосфера близких к Кауфману кругов, где

⁹ Имя Николая Раевского несколько раз упоминалось в конфиденциальном письме московского генерал-губернатора П. А. Тучкова от 10 ноября 1861 г. на имя министра народного просвещения графа Е. В. Путятина. Характерно, что текст этого письма А. Н. Герцен счел нужным опубликовать в своем «Колоколе» 15 июля 1862 г. (стр. 1129—1132).

¹⁰ Эта страница биографии Раевского заслуживает специального рассмотрения, тем более, что в последнее время возникает основательное стремление если не пересмотреть, то во всяком случае уточнить некоторые аспекты излишне прямолинейной итоговой характеристики славянофилов, взгляды которых якобы едва ли не полностью совпадали с «официальными представлениями». Такая характеристика не совсем вяжется с известным стихотворением Константина Аксакова («Оружие свободных людей — свободное слово!») и обращенными к Аксакову словами А. И. Герцена: «...мы, как Янус... смотрели в разные стороны, в то время, как сердце билось одно» (ср.: Н. Губко, рецензия на книгу «Вольная русская поэзия XVIII—XIX веков», М., 1975. — «Звезда», М., 1977, № 1, стр. 213).

¹¹ «Библиотека» издавалась по примеру студентов Петербургского университета, выпустивших в 1857 г. первый (из двух увидевших свет) «Сборник, издаваемый студентами Императорского Петербургского университета».

¹² Земля была приобретена, хотя и не в том количестве, о котором помышляли братья. Подробности см. в письмах Н. Н. Раевского матери 6 и 18 июля 1860 г. (АР, V, стр. 196, 201, 204—205).

¹³ Отголоски этих представлений сказались в его статье об отношениях России со среднеазиатскими ханствами в газете «Голос» (1872, № 195), вызвавшей оживленную полемику.

царили чиновничество, подхалимство, карьеризм, неискренность, претили пылкой, прямой и честной натуре Раевского.

Самое же главное — новый для него край стал быстро манить Раевского своей неизведанностью, потенциально богатейшими возможностями земледельческого, промышленного, торгового развития. Естественно по образованию, Раевский не случайно был членом Вольного экономического общества¹⁴, неслучайно, вопреки сомнениям и осуждениям родных, так усердно занимался в Крыму опытами разведения хлопчатника, улучшения способов виноделия. Сельское хозяйство, дело его совершенствования и развития было любимым его поприщем¹⁵.

И в Средней Азии чем дальше, тем больше интересы Раевского проявлялись в сфере сельского хозяйства. Он был одним из первых, кто отчетливо представлял себе благоприятные перспективы его развития на рациональной основе и глубоко верил в благодатные для этого природные условия края. Он стремился, в частности, обосновать свои рекомендации о культивировании в Туркестане высокосортных видов хлопчатника собственным опытом и примером.

Для культивирования новых сортов хлопчатника Н. Н. Раевский завел собственные плантации, расположенные близ Ташкента, по-видимому в Капланбеке¹⁶. Настойчивость усилий Н. Н. Раевского по разведению новых сортов хлопчатника заслуживает тем большего уважения, что его первые опыты в этом направлении, предпринятые в Крыму, не были успешными. Не пал он духом и перед лицом первых неудач с разведением на плантациях под Ташкентом американского сорта хлопчатника «Си айленд».

По свидетельству очевидца, известного путешественника и писателя П. И. Пашино, «в нынешнем (1866) году пробовали сеять американский хлопок, но он положительно не принялся. По моему мнению, это произошло не столько от порчи семян «Си айленд», привезенных по зимнему пути, и нерадения в уходе, сколько от того, что американскому островному хлопку трудно привиться на континентальной почве»¹⁷.

«К сожалению, — свидетельствует другой компетентный автор, — первые опыты были сделаны с наиболее ценным, но вместе с тем и наиболее нежным видом американского хлопчатника (*Gossipium barbadense*), дающим хорошее волокно лишь в странах с теплым, ровным и влажным приморским климатом. Естественно, что посев семян этого вида в Туркестане вообще и в Ташкенте, в частности, не мог дать хороших результатов; сбор волокна получился и в качественном и в количественном отношении неудовлетворительный»¹⁸.

Не смутило Раевского и признание неудачным выведенного им под Ташкентом сорта хлопчатника, демонстрировавшегося на известной Политехнической выставке 1872 г. в Москве¹⁹, тем паче, что на той же выставке последовала рекомендация продолжать усилия в этом направлении.

Как пишет один из авторов, «теперь уже трудно установить, какими соображениями руководствовался Н. Н. Раевский, вложивший столько труда и средств на

¹⁴ Это Общество играло в пореформенный период передовую общественную роль. Ср.: В. В. Орешкин. Вольное экономическое общество в России (1765—1917). Историко-экономический очерк. — М., Изд-во «Наука», 1963, 263 стр.

¹⁵ Примечательно, что еще до появления Н. Н. Раевского в Средней Азии сюда, видимо, из его Крымского имения, доставлялись семена хлопчатника «Си айленд» с руководством по их употреблению. Так, 8 июня 1866 г. канцелярия туркестанского генерал-губернатора направила администрации Ташкентского района 12 фунтов семян хлопчатника указанного сорта и 4 экз. упомянутого руководства вместе с копией письма генерал-адъютанта Крыжановского, гласившего: «Убедительно прошу Вас обратить особое Ваше внимание на разведение этого продукта, успешное произрастание и обрабатывание коего составляет, как Вам известно, дело первостепенной важности» (ЦГА УзССР, ф. И-16, оп. 1, д. 162, л. 3; цит. по кн.: Л. А. Перепелицына. Влияние русской культуры на культуру народов Средней Азии. — Ташкент, Изд-во САГУ, 1961, стр. 28).

¹⁶ Ю. Топольский. Очерки по истории хлопководства. II, «Золотая лихорадка» в Туркестане. — «Экономика и жизнь», Ташкент, 1974, № 9, стр. 88.

¹⁷ П. И. Пашино. Туркестанский край в 1866 году. Путевые заметки. — СПб., 1868, стр. 38.

¹⁸ В. И. Масалынский. Туркестанский край. Глава VI. Хлопчатник. — В кн.: «Россия. Полное географическое описание нашего отечества». Под ред. В. П. Семенова-Тянь-Шанского, Том XIX, СПб., изд. А. Ф. Девриена, 1913, стр. 456—457.

¹⁹ Ср.: «Каталог Туркестанского Отдела Политехнической выставки». Составлен членами комиссии М. И. Бродовским, Д. Л. Ивановым, И. И. Краузе и А. П. Федченко. — М., В университетской типографии, 1872, стр. 34 (№ 1696. «Семена американского хлопчатника (Sea island) с плантации Н. Н. Раевского»). Неясно, относились ли к плантации Раевского также №№ 1697—1698: «коробочки американского хлопчатника. Хлопок Sea island»).

разведение «Си айленда» под Ташкентом. Ведь именно с этим сортом незадолго до этого он производил опыты в своем крымском имении и потерял полную неудачу. Но, видимо, ему было известно об успехе французского предпринимателя Жюмеля, который в 30-х годах XIX столетия проводил такие же опыты с «Си айлендом» в Египте. Там «американец» быстро акклиматизировался и превратился в несколько разновидностей отличного хлопчатника, получившего впоследствии название «Египетского»²⁰.

Лишь со временем практика показала наибольшую пригодность для культивирования в условиях Средней Азии разновидностей Upland (*Gossipium hirsutum*).

Дело не ограничивалось, однако, занятиями Раевского на отведенных ему земельных участках под Ташкентом. Он энергично пытался добиться осуществления таких мер, которые позволили бы двинуть вперед, развить и усовершенствовать все туркестанское хлопководство.

Еще в 1869 г. Раевский подал в руководящий комитет Общества для содействия русской промышленности и торговле тщательно разработанное им применительно к Туркестану, Бухаре и Хиве руководство по разведению хлопчатника с упором на улучшение его качества, выгодность ослабления зависимости России от ввоза хлопка из-за границы и «развития русско-среднеазиатского обмена сырьем и продукцией». Раевский настойчиво рекомендовал создать специальную организацию для устройства в Средней Азии опытных плантаций, приобретения за границей семян тонковолокнистого хлопчатника, машин по обработке земли, а также для отправки людей в зарубежные страны (США, Египет и др.) в целях изучения культуры хлопчатника. Записка Раевского, отпечатанная тиражом 600 экз., обратила на себя серьезное внимание²¹.

Менее известно, что Н. Н. Раевский, помимо его занятий в сфере хлопководства, пытался осуществлять в Туркестане и опыты по внедрению здесь сортов крымского и кавказского винограда, что, очевидно, было следствием его занятий виноградарством в Крыму²².

До присоединения к России в Туркестане не было промышленного виноделия. Сами способы виноградарства не отвечали требованиям культурного виноделия. Но к началу 70-х годов в крае уже существовала винодельческая фирма Первушина. Опыты «более рационального и соответствующего требованиям виноделия возделывания виноградной лозы» и «устройства виноградных плантаций, могущих дать хороший пример» коренному населению края, велись в Ходженте Фовицким, в Самарканде Филатовым и Сытовым, в Ташкенте Гринбергом, Кузнецовым и Раевским (курсив наш. — Б. Л.)²³.

Изготовленное Раевским «вино «чарас» встречено было общим одобрением... У г. Раевского для приготовления белого вина берется преимущественно поздний, весьма сладкий сорт винограда, называемый «буаки». Для красного вина г. Раевский признал наиболее удобным сорт «чарас»²⁴.

Туркестанский период жизни Раевского не будет полным без освещения его деятельности, связанной с Туркестанским отделом Общества для содействия русской промышленности и торговле²⁵.

²⁰ Ю. Топольский. Пахта. Очерки из истории хлопководства. — «Экономика и жизнь», Ташкент, 1974, № 9, стр. 88.

²¹ Отчет о деятельности Общества в 1869 году. — СПб., 1870, стр. 26—28. Характерно, что в первом же номере газеты «Туркестанские ведомости» (1870, № 1) была опубликована статья «О разведении хлопка в Туркестанском крае» с указанием, что меры, при осуществлении которых среднеазиатский хлопок мог бы конкурировать с американским, изложены Н. Н. Раевским в его докладе Обществу для содействия русской промышленности и торговле.

²² Ср.: [Е. Т. Смирнов]. Сырдарьинская область. Описание, составленное по официальным источникам Е. Смирновым. — СПб., 1887, стр. 170. За высокие сорта крымских вин, демонстрировавшихся Раевским на Московской Политехнической выставке 1872 г., Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете присудило ему 27 октября того же года золотую медаль.

²³ Каталог Туркестанского отдела Политехнической выставки..., стр. 42—43. Ср.: И. И. Краузе. Заметка о винокуренном производстве в Ташкенте. — Русский Туркестан. Сборник, издаваемый по поводу Политехнической выставки, Вып. 2, М., 1872, стр. 188—198.

²⁴ О винограде и виноделии в Туркестанском крае. — Русский Туркестан. Вып. 2, стр. 200.

²⁵ Говоря о заслугах Раевского перед наукой, укажем, что Б. Л. Модзалевский выявил следующие публикации Н. Н. Раевского: «О болезни винограда в Крыму». — «Газета для Сельских Хозяев», М., 15 ноября 1861 г., стлб., 307—309; «Крымский хлопок». — М., В университетской типографии, 1864, 15 стр.; «Руководство к разведению хлопчатника с применением культуры его к климату и почве Крымского полуострова». — Симферополь, 1865, VII+68+6 ненум. стр.; «О развитии и улучшении

Н. Н. Раевский был деятельным членом ряда научных обществ, в том числе (с 10 января 1866 г.) — Русского географического общества²⁶.

Уже в 1869 г. в Ташкенте начало свою деятельность Среднеазиатское ученое общество — пионер научных обществ дореволюционного Туркестана. На его седьмом заседании (12 марта 1871 г.) было сделано сообщение о программе собрания сведений по культуре хлопчатника, о доставлении которых просил Общество Комитет по улучшению культуры хлопчатника. Составителем этой программы был Н. Н. Раевский²⁷.

Особую страницу в биографии Раевского занимает его роль в создании и деятельности одного из местных научных обществ — Туркестанского отдела Общества для содействия русской промышленности и торговле.

Общество это возникло в Петербурге на гребне волны того времени, когда «после 61-го года развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века»²⁸. Целью Общества ставилось быть «известного рода представителем всех торговых и промышленных интересов не одной какой-либо местности», а всей страны и якобы «всех классов ее народонаселения»²⁹. В действительности Общество отражало в первую очередь интересы российских предпринимателей, стремившихся, в частности, к хозяйственному освоению окраин России. Однако та сфера деятельности Общества, которая была связана с изучением состояния и возможности развития экономической жизни страны и таких ее районов, как Сибирь, Кавказ, Средняя Азия, протекала при неминуемом участии специалистов, ученых, знатоков положения дел на местах, что придавало деятельности Общества и научное значение.

Как отмечает новейший исследователь вопроса, свои цели это Общество осуществляло весьма активно и настойчиво, «в самых разнообразных отраслях экономической жизни страны, выступало инициатором во всевозможных мероприятиях по изучению и развитию ее производительных сил», созывало съезды, снаряжало исследовательские экспедиции и пр.³⁰

В указанном плане вполне понятен и интерес, проявлявшийся Обществом «к экономическому освоению Средней Азии и созданию для этого необходимых политических и технических условий»³¹. Край огромных природных ресурсов, крупнейший район отечественного хлопководства не мог не оказаться в поле зрения Общества. Добавим, что субъективные стремления российских предпринимателей к выгодному для них развитию экономики Средней Азии на капиталистической основе объективно играли прогрессивную роль. Русскому капитализму (как и английскому капитализму в Индии) предстояло сыграть в Средней Азии «двойную миссию»: разрушительную и созидательную, — с одной стороны, разрушить старое азиатское общество, с другой, — заложить материальную основу западного (капиталистического) общества в Азии³². По словам В. И. Ленина, эта миссия капитализма была прогрессивной, а

культуры хлопчатника в России и соседних с нею Среднеазиатских ханствах». — Торговый сборник, СПб., 1869, № 50 (и отд. издание); «Меры для развития и улучшения культуры хлопчатника на Кавказе и в Средней Азии». — СПб., 1870 (ср. «Биржевые ведомости», 1870, № 16); «О вывозе яичек шелководных червей из Туркестанского края». — Ташкент, Типография Окружного Штаба, 1871, 4 стр. (текст записки, представленной Кауфману); «О мерах для развития и улучшения шелководства в Туркестанском крае». — Ташкент, там же, 1871, 4 стр. (также: «Туркестанские ведомости», 1871, № 1, написана 3 октября 1870 г. в Самарканде); «Об открытии сбыта крымских вин внутри России». — Труды Общества содействия русской промышленности и торговле. Часть VIII. — СПб., 1875. Сотрудничал Н. Н. Раевский также в «Земледельческом журнале» имп. Московского общества сельского хозяйства (А. Перелеткин. Историческая записка о 30-летней деятельности (Общества)... — М., 1890, стр. 263). Ср.: Н. А. Буров. Список книг, вышедших в Туркестане в 1868—79 гг. и содержащихся в них статей. — Научные труды ТашГУ им. В. И. Ленина, Вып. 261. Библиография, Вып. X, Ташкент, 1964, стр. 85.

²⁶ В. И. Срезневский. Отчет Императорского Русского Географического общества за 1876 г. — СПб., 1877, стр. 15.

²⁷ Б. В. Лунии. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Конец XIX — начало XX в. — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1962, стр. 79, 290.

²⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 174.

²⁹ Объяснительная записка и проект Устава по учреждению Общества..., СПб., 1867, стр. 3—5.

³⁰ Н. А. Халфин. Общество для содействия русской промышленности и торговле и Средняя Азия. — «Вопросы истории», М., 1975, № 8, стр. 47.

³¹ Там же, стр. 63.

³² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, М., 1918, стр. 309.

«признание прогрессивности этой роли вполне совместимо... с полным признанием отрицательных и мрачных сторон капитализма»³³.

Н. Н. Раевский к моменту его появления в Туркестане уже состоял действительным членом указанного Общества. В 1869 г., как уже говорилось выше, он разработал и представил руководящему Комитету Общества руководство по разведению хлопчатника, в первую очередь применительно к Туркестанскому краю, Бухаре и Хиве. Раевский рекомендовал меры, направленные на улучшение качества среднеазиатского хлопка. По мысли Раевского, это было делом большой важности, ибо «громоздкое количество хлопка Россия приобретает за наличные деньги с американских и других рынков», и гораздо выгоднее была бы «выписка хлопка из (Средней) Азии» с направлением туда «произведенных наших мануфактур».

К предложениям Раевского Общество отнеслось с полным вниманием, создав комиссию «для рассмотрения мер к разведению в России хлопчатника», в состав которой был включен и Раевский.

Преимуществом личной инициативой Н. Н. Раевского было обусловлено открытие в Ташкенте 30 декабря 1871 г. Туркестанского отдела Общества. У себя на квартире он собрал несколько человек, «изъявивших желание участвовать как в Обществе, так и в учрежденном здесь Отделе»³⁴. И в Ташкенте повторилось явление, присущее Обществу в целом. Членами Общества и Отдела состояли не только местные предприниматели — владельцы промышленных и торговых заведений, но и представители интеллигенции, связавшие свою жизнь и деятельность с краеведением. В их числе были известные своей краеведческой деятельностью Н. Ф. Петровский³⁵, И. И. Краузе³⁶, управляющий туркестанской контрольной палатой В. П. Череванский, горный инженер А. С. Татаринов³⁷ и др.

Сведения о деятельности Отдела, его протоколы печатались на страницах «Туркестанских ведомостей». За короткое время своего существования Отдел не успел развернуть сколько-нибудь широкой деятельности. Однако сама направленность возбуждавшихся и обсуждавшихся на его заседаниях вопросов заслуживает несомненного внимания.

Так, было положено начало устройству при Отделе «специальной библиотеки по частям финансовой, коммерческой и технической». Дебатировался вопрос об устройстве при Отделе музея как местных произведений, так и привозимых в край товаров» и вопрос «об устройстве двух ежегодных выставок: одной промышленной, а другой сельскохозяйственной (протоколы 30 декабря 1871 г.)»³⁸.

³³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 597.

³⁴ Председателем Отдела был избран Н. Н. Раевский, секретарем — Н. Ф. Петровский (затем Д. П. Величковский), казначеем — В. П. Череванский (затем В. К. Лейтнер). Обязанности хранителя музея принял на себя И. И. Краузе, библиотекаря — С. К. Соколов. Всего, насколько можно судить по протоколам Отдела, численность его членов не превышала 24 человек, по данным Н. А. Халфина (цит. соч., стр. 47), — 14 действительных членов.

³⁵ Знаток Туркестана, его торговой статистики, шелководства и шелкоматания в Средней Азии, собиратель восточных древностей. См. о нем: Николай Федорович Петровский. — В кн.: «Историография общественных наук в Узбекистане. Био-библиографические очерки». Составитель Б. В. Лунин. — Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1974, стр. 277—286.

³⁶ Иероним Иванович Краузе, провизор по образованию, страстный любитель химии, знаток туркестанской флоры, в частности хлопчатника, садовод, прогрессивный общественный деятель (см. о нем: Б. В. Лунин. Научные общества в Туркестане и их прогрессивная деятельность. Конец XIX — начало XX в., стр. 55—59, 287).

³⁷ Александр Степанович Татаринов — знаток «горного искусства», человек редкой энергии, предприимчивый и любознательный, один из открывателей залежей угля и месторождений золота в Туркестане (см. о нем в нашей книге «Научные общества в Туркестане», стр. 53—55, 286—287).

³⁸ В заседании 4 марта 1872 г. было решено ходатайствовать перед туркестанским генерал-губернатором «об учреждении в Ташкенте ежегодной промышленно-сельскохозяйственной выставки» и были одобрены «главные основания» ее организации и деятельности. На письмо Раевского Кауфману об устройстве в Ташкенте этих выставок последовала следующая резолюция последнего: «Не могу не признать пользы этих выставок, но не имею времени теперь заняться этим делом и не могу уделить денег на награды» (АР, V, стр. 543). В ответ на это Отдел был готов «принять это дело на себя». Остается напомнить, что если не считать сельскохозяйственной и промышленной выставки 1869 г. в Ходженте с использованием большей части ее экспонатов на промышленной выставке 1870 г. в Ташкенте и несколько маломасштабных выставок «плодов и овощей» в Ташкенте и Самарканде в 1871 и 1876 г., первой крупной выставке суждено было осуществиться только в 1878 г. («Первая Туркестанская сельскохозяйственная и промышленная выставка»). Ср.: Г. Н. Чабров. Выставочная работа в Туркестанском крае. — Труды Музея истории Узбекской ССР, Вып. III. Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1956, стр. 118—192.

Постановка и обоснование всех этих вопросов принадлежали Раевскому, который указывал, в частности, на благотворное влияние проектируемых выставок в Средней Азии, «где, несмотря на плодородие почвы и изобилие руд и каменного угля, промышленность и сельское хозяйство находятся еще в младенческом состоянии» (протоколы 8 и 15 января 1872 г.).

Характерно, что 4 марта 1872 г. было рассмотрено предложение Раевского о привлечении представителей коренного населения к участию в Отделе, о необходимости освободить их от уплаты членских взносов, учредить в Отделе «звания члено-сотрудников» и теперь же приглашать к участию в занятиях учредителей Отдела лиц, могущих быть полезными своим знакомством с условиями местной торговли, промышленности и сельского хозяйства.

В заседании 5 февраля 1872 г. Раевский прочел свою записку «О некоторых причинах, препятствующих развитию здешней промышленности, и о способах устранения их». Он сообщил, что, будучи членом Общества для распространения технических знаний в Москве, он просил Общество содействовать устройству в Ташкенте учебной мастерской, что «весною 1871 года, в бытность свою попечителем Самаркандской русской школы» для детей из среды коренного населения, он представлял проект ее преобразования в техническую и что такое же преобразование намечается и в отношении Ташкентской народной школы.

По предложению Раевского, Отдел обсудил вопрос «о способах привлечения в Туркестанский край техников и ремесленников и об открытии в крае ремесленных училищ».

В заседании 1 апреля 1877 г. Раевский сообщал собранию, что, «желая скорее перевести вопрос о разведении в Средней Азии лучших сортов американского хлопчатника из области опытов в область торговых предприятий, он независимо от увеличения своих собственных плантаций, отправил несколько недель тому назад в Коканд и Бухару новую партию семян си-айланда и затем заключил условие с одним богатым ташкентским жителем о засеивании им в нынешнем году не менее 150 танапов (25 десятин) земли семенами си-айланда, причем весь собранный от этих семян хлопок обязался купить у него по выгодной для производителя цене».

В связи с этим Раевский обращался к властям с просьбой «сделать распоряжение об освобождении от платежа танапного сбора (1 рубль с танапа или 6 рублей с десятины) всех плантаций американского хлопка, как существующих, так и имеющих еще устроиться в Туркестанском крае, а также об освобождении от платежа зякета всего привозимого из соседних ханств американского хлопка». Предложение это, в качестве временной меры, было принято.

В связи с поездкой Н. Ф. Петровского в Бухару и высказанным им пожеланием «исследования тех вопросов касательно торговли и промышленности Бухары, которые могут интересовать» Отдел в его экстраординарном заседании 11 апреля 1872 г., вниманию Н. Ф. Петровского была рекомендована широкая программа сбора данных по производству и торговле в Бухаре хлопчатобумажными, шерстяными и шелковыми изделиями, хлопком, кожей, по торговле чаем, хлебом и крахмальными веществами, а также по горнозаводской промышленности и торговле металлами³⁹.

Можно поражаться не только энергии, но и широте интересов Н. Н. Раевского. Из биографических данных о нем мы узнаем и о том, что в самом Обществе для содействия промышленности и торговле (Петербург) он возбуждал еще и такие вопросы, как «Об орошении земель по реке Сыр-Дарье», «Об истории Восточного Туркестана», «О торговой экспедиции в Индию», выступал несколько раз, в том числе с кратким очерком соседних с Россией владений Якуб-бека, о торговых агентах в Средней Азии, об организации экспедиции для исследования торговых путей из Кашгара в Индию и др.

Время, когда Ташкентский отдел Общества прекратил свое существование, требует еще выяснения. Известны протоколы восьми заседаний его — с 30 декабря 1871 г. по 20 апреля 1872 г. Протоколы эти стали подлинно библиографической редкостью. Они были изданы брошюрой «без выходного листа и без обозначения места и времени печати»⁴⁰. Состоялись ли последующие заседания Отдела — неясно. Судя по всему, деятельность его заглохла именно в связи с отъездом Н. Н. Раевского из Туркестана (октябрь 1874 г.)⁴¹.

³⁹ АР, V, стр. 552—558.

⁴⁰ Ср.: Н. А. Бурув. Дореволюционная печать Туркестана (1868—1879 гг.).— Научные труды ТашГУ им. В. И. Ленина, Вып. 261. Библиография, Вып. X, Ташкент, 1964, стр. 85. Брошюра эта впоследствии была полностью перепечатана на страницах V тома «Архива Раевских» (стр. 533—561).

⁴¹ Еще в начале 1874 г. он вышел в отставку, дабы полностью посвятить свои силы хозяйственной деятельности. Отставка по причинам, изложенным ниже, была принята незамедлительно.

Чем был вызван этот отъезд? Как свидетельствует биограф Раевского Б. Л. Молзалевский, «его начинания не только не встретили себе сочувствия и поддержки, но, отличаясь бескорыстием и прямою, сделали его самого жертвой «грязных интриг»⁴².

И действительно, в Ташкенте Н. Н. Раевский не замедлил стяжать себе в чиновничьих кругах весьма незавидную репутацию.

«Странным человеком честных, но слишком порывистых правил и несообразных выходов» называет его и знакомец по Туркестану Полторацкий. По Полторацкому, «безрасудство» Раевского заключалось в его «попешной энергии». Последнее проявилось, по мнению Полторацкого, в том, что, «получая из дому на ежегодное свое содержание значительные деньги (по словам одних, 40, а других — до 80 тысяч рублей), он стал сорить ими без расчета, покупать земли, заводить плантации хлопка и винограда, выписывать из-за границы семена и лозы». И в служебном отношении «он нигде не мог обжиться и пустить корней, которые при меньшей его *строптивости* (курсив наш. — Б. Л.) могли бы, конечно, дать очень хорошие плоды... для пользы службы... и местной культуры». Он же предпочитал «запутываться в непроизводительных предприятиях»⁴³.

Истинная подоплека «странностей» Раевского заключалась, конечно, в другом. Когда в 1871 г. в Чиназе в 7-й Уральской казачьей сотне произошло возмущение против жестокости и произвола ее командира-самодура, арестованные и преданные суду казаки по той же «странной» случайности отправили свою челобитную с просьбой принять на себя обязанности их защитника на имя Н. Н. Раевского, «попешно согласившегося за них на суде ратовать»⁴⁴. Да и как не считать «господам ташкентцам» — служилым туркестанцам — «странным» человека, который «всаживает» то ли по 40, то ли по 80 тысяч рублей в год собственных средств в рискованные и не свои собственные военные сельскохозяйственные предприятия, хотя в конечном счете «все хлопоты и затраты его шли прахом и, вместо «спасибо», возбуждали неудовольствие и нарекания».

К тому же «странный человек» был весьма непочтительным к начальству. И чем дальше, тем больше. Так, бюлдолизы из окружения Кауфмана, хорошо знавшие вкусы и пристрастия своего честолюбивого начальника, заверили его, что наиболее «уважаемые» граждане из среды коренного населения Ташкента жаждут видеть генерал-губернатора на праздничном вечере в его честь с участием своих жен, сбросивших во славу «белого царя» паранджу и облаченных в костюмы европейского типа.

И он удался — вечер, включавший излишняя верноподданнических чувств и пляски женщин с открытыми лицами. «Кауфман, — свидетельствует современник, — прослезился от радости, не поспеули на подарки женщинам — ценные браслеты, кольца, кубки и пр. с надписями. Все ликовало»⁴⁵.

Увы! Никто другой, как «строптивный» Раевский, ненавидевший и презиравший ложь и показуху, не остановился перед тем, чтобы обойти в ближайшие дни ташкентские... дома терпимости и скупить у их «веселых обитательниц» подарки Кауфмана с возвращением их последнему.

Так переполнялась чаша терпения властителя края и высокопоставленной чиновничьей братии.

В адрес Раевского шел поток брани, клеветы, инсинуаций. Его одиночество в обывательско-служилом мире Ташкента возрастало не по дням, а по часам.

Состоятельный человек, «молодой, с большими аристократическими связями, блестящий и преисполненный энергии гвардейский офицер бросает все прелести петербургских будуаров и гостиных и отправляется — куда? Насажать культуру в далекий Туркестан, где он, «не выпрашивая субсидий, гарантий и монополии...», сосредоточил свои средства и помыслы на разведении американского хлопка, суходольного риса, культурного шелководства...» А «после этой истории (с Кауфманом. — Б. Л.), жизнь Н. Н. Раевского в Туркестанском крае сделалась буквально невозможной. Зачисленный безаппеляционно в разряд юрловых, он бежал из края, отряхивая пыль с ног своих. Сотни тысяч рублей, вложенных им в землю, остались в добычу палящего зноя и людского забвения»⁴⁶.

В октябре 1874 г. Раевский покинул Туркестан, вернулся на военную службу и был направлен в распоряжение командующего войсками Одесского военного округа. Возврат на военное поприще был связан с новым крутым поворотом в жизни Раевского. В это время развернулась освободительная борьба народов Восточной Европы, изнывавшая под османским (османским) игмом. Их упорная и героическая

⁴² Русский биографический словарь, Том II. — СПб., 1910, стр. 406.

⁴³ «Исторический вестник», Том LX. — СПб., апрель 1895 г., стр. 92—100 (Воспоминания В. А. Полторацкого).

⁴⁴ Там же, стр. 99.

⁴⁵ Вл. Череванский [В. П. Череванский]. Нечто о странном человеке. — «Исторический вестник», Том LXII, 1895, ноябрь, стр. 657—658.

⁴⁶ Там же, стр. 656—657.

борьба против иноземного владычества, вызывавшая живое сочувствие передовой мировой общественности, нашла горячий отклик в России, направившей свои войска в помощь народам Балкан. И поныне «память народная бережно хранит события вековой давности, когда благодаря совместной борьбе возродилась независимость... балканских государств»⁴⁷.

И Н. Н. Раевский остался верен своим давним симпатиям к освободительной борьбе народов Восточной Европы. 24 июня 1876 г. он пишет матери, что еще в январе с ним встретился уполномоченный «Болгарских комитетов с приглашением принять участие в предстоящем скоро восстании болгар»⁴⁸... Такое неожиданное приглашение доказало мне, что прошлая моя деятельность в пользу болгарского дела не прошла бесследно, что болгары не забыли моей поездки в Бухарест в 1867 г... и что в решительную минуту они рассчитывают видеть меня опять в своей стране»⁴⁹. Из этого письма мы узнаем, в частности, что именно Раевский был автором проекта «организации восстания в военном отношении», которым руководствовался потом Болгарский революционный Центральный Комитет. Фактически одним из руководителей его был известный политический деятель, поэт, публицист Христо Ботев — национальный герой Болгарии, революционный демократ и утопический социалист, чьи политические взгляды формировались под влиянием Н. Г. Чернышевского и других русских революционных демократов.

Когда же в июне 1876 г. вспыхнули открытые народные восстания в Сербии и Черногории и последовал призыв к русским добровольцам принять участие в событиях на Балканах на стороне их коренного населения, Раевский не заставил себя долго ждать. Он подал прошение о разрешении ему отпуска за границу и 4 августа 1876 г. в Белграде был зачислен в качестве волонтера в чине полковника в сербскую армию, а 6 августа был уже в рядах вооруженных сил.

По прибытии на фронт Раевский был назначен командиром отдельного отряда с позицией на левой стороне реки Моравы, близ Алексинаца, и заданием преградить неприятелю путь на Делиград. И здесь стал сказываться прямой и колючий характер Раевского. Награждение его Таковским крестом⁵⁰ он счел еще неза заслуженным и носить эту боевую награду отказался к вящему неудовольствию штабных чиновников.

Таким образом, и здесь начинается период «опалы» Раевского, тем более, что он позволил себе смело критиковать кустарные и бездарные действия командующего войсками генерала Черняева («война ведется без плана и без всякого порядка... войско гибнет без пользы и страна разоряется»).

Опале, впрочем, суждено было быть недолгой. С 14 по 20 августа Раевский находился в Шуматовском редуте, на левом фланге Алексинаца. В ходе завязавшегося 20 августа боя, в котором он проявил стойкость и бесстрашие, ему было поручено командовать резервом, призванным решить успешный исход боя. Раевский тотчас же прибыл к месту назначения. Это был последний день его жизни. Вечером в половине шестого пуля из картечной гранаты попала Раевскому в левый висок, сразив его насмерть.

Известие о гибели Н. Н. Раевского взволновало широкую общественность балканских стран и России.

Тысячные толпы народа сопровождали под звуки военного оркестра гроб с телом Н. Н. Раевского. Гроб несли на своих плечах сербские крестьяне и повстанцы в сопровождении воинского эскорта. Временно Раевский был похоронен в монастыре св. Романа. Затем останки его были набальзамированы, положены в свинцовый гроб и доставлены в Делиград и далее в Белград, куда прибыла к тому времени и мать

⁴⁷ Ф. Ангели. По законам братства. — «Правда», 7 мая 1977 г.

⁴⁸ АР, V, стр. 483. О своих связях с болгарами и стремлении принять участие в их борьбе за освобождение от иноземного гнета Н. Н. Раевский подробно сообщал в письме матери 24 июня 1876 г. из Севастополя (АР, V, стр. 570—584).

⁴⁹ АР, V, стр. 579—583, также стр. VI—VII.

⁵⁰ Орден, учрежденный в память восстания сербов в 1815 г., сигнал к которому был дан в селении Таково.

покойного. Из Белграда гроб на руках был доставлен к пристани, откуда перевезен в Одессу. Погребение состоялось в с. Еразмовка.

Кончина Раевского вызвала многочисленные отзвуки в печати. «Живя в Туркестане, — гласил один из некрологов, — он... показал в себе также передового бойца и неуспынного деятеля на арене гражданской, радея о развитии торговли и промышленности края. Он на собственные средства завел там хлопковые плантации, шелкоматальни и виноградники»⁵¹.

В память о Н. Н. Раевском при Московском университете, где он получил высшее образование, была учреждена «ломоносовская стипендия Раевского».

Так оборвалась жизнь «странного человека». Но имя его останется навсегда вписанным и в историю национально-освободительной борьбы народов Восточной Европы, и в историю культурной жизни и развития хлопководства в Средней Азии.

Что касается последнего, то остается добавить, что труды Раевского не остались бесплодными. Они вливались в усилия других зачинателей разведения в Туркестане новых сортов хлопчатника, что в конечном счете увенчалось успехом. Больше того. Именно Н. Н. Раевский с его настойчивостью и заражавшей других энергией сумел убедить администрацию края в необходимости создания двух опытных ферм и направления в США людей для ознакомления на месте с опытом развития хлопководства⁵².

Хлопковая ферма, а потом опытная хлопковая плантация были устроены под Ташкентом. В 1884 г. с этой фермы были отправлены в Москву первые 8 кип хлопкового волокна улучшенных сортов. В общей сложности в том же году посевами хлопчатника американских сортов было занято до 300 десятин земли, а в 1885 г. — уже 1000, в 1886 г. — 12 000 десятин и т. д.⁵³ Была организована также Самаркандская казенная хлопковая плантация⁵⁴.

Несопоставим сегодняшний этап развития хлопководства в Узбекистане и других республиках Средней Азии с теми далекими днями, когда Раевский и другие энтузиасты зачинали здесь, в труднейших условиях колониального режима, дело рационального разведения культуры хлопчатника. Бурный рост отечественного хлопководства в годы Советской власти оставил далеко позади всю дореволюционную его историю.

Но советский народ привык чтить память тех, кто подобно Николаю Николаевичу Раевскому отдавал силы и энергию делу развития сельского хозяйства Средней Азии и верил в ее экономический подъем в будущем.

Б. В. Лукин

⁵¹ Н. К.-ов. Николай Николаевич Раевский. — «Всемирная иллюстрация», 11 сентября 1876 г., № 402. Отклики печати на смерть Раевского, тексты соболезнований и др. собраны Модзалевским (АР, V, стр. 681—705).

⁵² В США были посланы на два года М. И. Бродовский (особенно интересовавшийся практикой очистки хлопка-сырца от семян) и В. В. Самолевский (знакомившийся с общей постановкой дела на хлопковых плантациях юга США).

⁵³ История Узбекской ССР, Том II, Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1968, стр. 56 (В. И. Масальский. Указ. соч., стр. 458).

⁵⁴ Ср. «Отчет по Самаркандской казенной хлопковой плантации за 1877 и 8-й год (А. Иванов)». — б. м. б. г. (1879), 22 стр. (также «Туркестанские ведомости», 1879, № 5).